

В диссертационный совет 24.2.379.07,
созданный на базе федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева»

443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**о диссертации Идрисова Наиля Талгатовича на тему «Уголовно-правовой
запрет: природа, легализация, последствия несоблюдения»,
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)**

Диссертация Н.Т. Идрисова является научно-квалификационной работой, в которой на основании комплекса выполненных автором теоретических и эмпирических исследований разработаны основные положения социально-информационной теории понимания уголовно-правового запрета, его оснований, механизма легализации и реализации.

Актуальность темы диссертационного исследования представляется бесспорной. Современный период развития российского уголовного права характеризуется крайне непростым состоянием и противоречивыми тенденциями. Официальное признание необходимости разработки концепции уголовной политики длительное время упорно сопровождается полным игнорированием всех возможных ее проектов, объявленная гуманизация закона удивительным образом сочетается с не спадающей и избыточной криминализационной активностью, обеспечение самой широкой доступности нормативной информации о преступности и наказуемости деяний сопрягается с возрастающими сложностями ее адекватного понимания, формальное повышение уровня образованности и профессионализма правоохранителей не избавляет от многочисленных (скажем прямо - порой откровенно глупых) правоприменительных ошибок и т.д. Разобраться в причинах сложившейся ситуации, активно именуемой на страницах юридической печати «кризисом», найти пути выхода из него - актуальнейшая задача российской уголовно-

правовой науки, решение которой является для нее «делом чести», тестом на профпригодность и социальную полезность.

При всех сложностях и трудностях, с которыми сталкивается юридическая наука, при всех известных ее недостатках, слабостях и упущениях, надо признать, что во многом благодаря инициативе, самоотдаче и самопожертвованию (не побоюсь в данном случае громких слов) представителей научного корпуса немало сделано для осмысления правовой действительности в современной России и определения возможных ориентиров развития права. В условиях сохраняющегося плюрализма методологических подходов к исследованию права разработаны (ну, или хотя бы полноценно поставлены для обсуждения) философские, культурологические, рискологические, экономические, социологические, конституционные и иные аспекты функционирования уголовного права. Наука не просто стремится, но и вполне результативно способствует обогащению и приращению знания об уголовном праве, его основаниях, механизме действия, реальных возможностях в деле поддержания социального порядка и обеспечения развития.

Именно в этом ключе видится возможной оценка диссертации Н.Т. Идрисова. В ней мы встречаем фактически первый в российской науке, оригинальный по композиции, информационно и методически обеспеченный, качественный по своим результатам опыт научного осмысления достаточно широкого спектра проблем современного уголовного права, связанных с информационной природой уголовно-правового запрета.

При том, что тема «информация и право» является сегодня актуальной до оскомины, ее обсуждение сводится, по преимуществу, либо к известным (но от этого не менее сложным) проблемам охраны информации, либо к отвлекающим внимание фантастическим проектам тотальной цифровизации уголовного закона и его применения. Между тем, в связке «право и информация» имеется, в принципе, давно известный, но, к сожалению, совершенно неисследованный нашей наукой феномен - сам уголовно-правовой запрет, воспринимаемый в качестве информационного продукта. В доктрине имеются лишь самые общие и от того неполные и недостаточно профессиональные представления о том, что такой запрет определенную информацию отражает, определенную информацию создает и транслирует, что в качестве информации он воспринимается, что возможны разночтения при восприятии содержащейся в нем информации, ее искажения и пр. Подход

к запрету как к информации не только открывает новые направления его научного исследования, но и создает перспективные возможности для оптимизации практики конструирования и применения в социально значимых целях.

Можно смело утверждать, что исследование Н.Т. Идрисова вполне отвечает актуальной задаче производства и аккумуляции новых научных данных об уголовно-правовом запрете как об информации и его можно рассматривать в качестве ответа на давно состоявшийся социальный заказ. Грамотный выбор темы диссертации, четкое обоснование предмета и границ научного поиска, позволили автору сосредоточиться на таких направлениях ее анализа, которые до настоящего времени оставались на периферии исследовательских интересов специалистов. В итоге, на суд общественности представлен целый ряд новых и весьма тщательно аргументированных суждений, значительно расширяющих пределы познания в области социально-информационной теории конструирования и применения уголовно-правового запрета.

Научная новизна диссертации определяется оригинальным подходом к организации исследования и результатами анализа целостного комплекса теоретических, нормативных и правоприменительных проблем, связанных с формированием и реализацией уголовно-правового запрета.

Новые или в любом случае существенно уточняющие известное научное знание положения, убедительно аргументированные в тексте и формирующие авторскую концепцию исследования, заключаются в следующем:

- итоги интерпретации запрета как продукта накопления социальной информации (с. 32, 35), отражающей антропологические (с. 33 - 40), культурологические (с. 41 - 45), религиозные (с. 46 - 49), моральные (с. 53 - 56), управленческие (с. 56 - 62), психологические (с. 63 - 70) характеристики социального взаимодействия людей и эволюционного развития общества;

- утверждение о том, что условием эффективности запрета в качестве средства социального управления выступает неперемнное наличие у него объективных социальных причин, отражающих реальную социальную картину его конструирования (с. 61, 62), четкая целевая направленность на обеспечение социальной стабильности, конкретизация содержания, адресатов воздействия и механизма реализации (с. 82, 83, 95, 100); вывод о том, что конструирование уголовно-правового запрета без учета социологических оснований и измерений лишает его свойства легитимности и ведет к опасной

практике негласного, теневого правотворчества, выражающего интересы узкого круга лиц и разрушающего основы социальной справедливости (с. 419);

- вывод о существенной роли системы запретов в процессе социализации личности (с. 76); возможно сформулированное с преувеличением, но значимое утверждение о том, что единственным показателем принадлежности человека к соответствующему социуму является принятие, формирование и воспроизводство в сознании такой системы запретов, которая делает этот социум уникальным (с. 51, 86 - 87);

- представления об эволюции социальных запретов в правовые посредством механизма отражения их содержания в норме права и закреплении нормы права в официально признанных источниках трансляции властной социальной информации (с. 78, 85 - 86), авторские дефиниции понятия (с. 108), видов (с. 105 - 108), целей правового запрета (с. 110 - 125);

- обладающая уголовно-политическим и уголовно-правовым значением градация уголовно-правовых запретов на те, что имеют «консервативные» основания», являются результатом эволюционной трансформации религиозных и нравственных запретов в правовые (с. 129 - 130) и обеспечивают базовые, фундаментальные основы взаимодействия между индивидами, обществом и государством (с. 135 - 137), и те, что имеют «инновационные» основания (с. 138), восходящие к изменяющимся обстоятельствам и отражающие адаптацию уголовного права к новым социальным условиям (с. 140); связанное с этой градацией положение о необходимости выявления и делегализации рудиментарных уголовно-правовых запретов (с. 480, 481);

- понятие и механизм легализации уголовно-правового запрета как социально необходимого и поддерживаемого правосознанием процесса формирования и законодательного закрепления государственно-властного веления о недопустимости общественно опасного акта поведения, сопряженного с наделением запрета побудительным оператором; как процесса, объемлющего собой криминализацию, пенализацию и легитимацию (с. 149, 151, 154, 159);

- признание запрещающей нормы уголовного права атрибутивной правовой формой запрета (с. 173), уточненный анализ содержания уголовно-правовых норм (с. 177), их видов (с. 186 - 190) и структуры (с. 197 - 199), вывод о том, что гипотеза, диспозиция и санкция правовой нормы являются не элементами ее системы, а функциями правовых предписаний, формирующих

запрещающую норму уголовного права (с. 202); результаты анализа запрещающей уголовно-правовой нормы как открытой системы, которая не просто находится во внешней среде человеческого поведения, но участвует в создании внешней среды для иных правовых норм и перманентно сама находится в такой же среде иных норм (с. 203, 205, 211);

- авторский взгляд на понятие источника выражения уголовно-правовых норм как на письменный документ (с. 233, 236, 237), критерии отнесения документов к источникам уголовного права (с. 239), их систему (с. 231 - 232); разработанная автором схема коммуникации социальных субъектов в процессе извлечения, фиксации, передачи информации, отражающей содержание уголовно-правового запрета (с. 263 - 265); разработанное понятие дефекта источника уголовного права как изъянов, допущенных при трансформации уголовно-правового запрета в правовые предписания (с. 397 - 398), их видов (с. 400 - 403);

- подтвержденная исследованием значимость высоких стандартов юридико-технического изложения социальной информации в источниках права (с. 269), в том числе требований к текстуально-языковой форме закона (с. 275) и стандартам понятности его текста (с. 277), его способности «усваивается» сознанием человека с необходимой степенью полноты и определенности (с. 281 - 282);

- признание значимости судебной практики в декодировании нормативной информации посредством различающихся, по мнению автора, техник интерпретации и толкования (с. 303 - 310), обеспечивающих единообразное понимание и определенность запрета (с. 311 - 318), а равно восполнение отсутствующей в уголовном законе нормативной информации (с. 319 - 326);

- итоги анализа квалификации преступлений с позиций механизма социально-информационного взаимодействия (с. 338) и информационного отождествления (с. 340 - 344), уточняющие этапы отождествления взаимной информации (с. 349); исследованные с точки зрения теории информации проблемы квалификационных ошибок как информационных искажений (с. 357, 358);

- результаты исследования социально-информационной природы уголовного наказания (с. 376), оценка с этих позиций показателей эффективности наказания (с. 368, 369) и его целей (с. 374), вывод о

недопустимости оценки эффективности уголовно-правового регулирования на основе показателей достижения целей наказания;

- рассуждения о необходимости учета интересов и потребностей граждан при легитимации современных уголовно-правовых запретов (с. 156 - 158), аргументированные в этих целях предложения по модернизации программы применения социологических методов выявления социального запроса на уголовно-правовую охрану тех или иных объектов, оценки эффективности правовой нормы и прогнозирования последствий ее действия (с. 420 - 426; 427 - 438), включая предложенную соискателем концептуальную формулу прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовому запрету (с. 449 - 452);

- обоснованные направления перспективного развития уголовного права как своевременной и адекватной реакции на новые вызовы путем легитимной легализации новой социальной информации, запрещающей вновь возникающие виды опасных поведенческих актов, а также разработки внятных, социально обусловленных, справедливых правил квалификации изменяющихся и новых преступлений (с. 468, 471 - 487).

Содержание рецензируемой диссертации в полной мере отражает авторский замысел научного анализа, последовательно, логично, внутренне непротиворечиво. Представленные Н.Т. Идрисовым результаты создают в своей совокупности оригинальное, относительно самостоятельное учение о социально-информационной природе уголовно-правового запрета, охватывающее все его ключевые элементы в контексте общих проблем теории уголовного права. Его научная новизна рельефно проявляется в целостной совокупности конкретных научных результатов, которую можно с полным основанием оценить в качестве новой, до сегодняшнего дня не отраженной в литературе, авторской концепции конструирования, фиксации, толкования, применения уголовно-правового запрета.

Оригинальная концепция включает в себя:

- феноменологическое описание информационной природы уголовно-правового запрета, его признаков и видов;

- истоки и закономерности формирования уголовно-правовых запретов, признание роли запрета в информационном сопровождении процессов социализации личности и социального управления обществом;

- механизм отражения и извлечения составляющей запрет информации в источниках уголовного права; понимание запрещающей нормы уголовного

права как открытой системы, как информационного сообщения, обладающего свойством энтропии;

- итоги интерпретации правотворческой и правоприменительной деятельности с точки зрения информационной концепции управления и концепции социального информационного обмена;

- перспективы развития запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений для целей эффективного социального управления на основе концепции адаптивного регулирования.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены качеством и объемом источников первичной научной информации, прочным методологическим фундаментом, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью представленных в диссертации суждений, согласием теоретических выводов автора с эмпирическими данными документального, статистического и социологического анализа, базированием авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, согласованностью новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации.

В основе диссертации – солидный информационный фундамент. Автор обобщил результаты правоинтерпретационной практики Конституционного Суда Российской Федерации; проанализировал практику Верховного Суда Российской Федерации (как решения по конкретным уголовным делам, так и обобщающие разъяснения Пленума); изучил практику применения уголовного закона судами общей юрисдикции (200 приговоров); провел ряд социологических исследований (экспертный опрос 842 респондентов, анкетирование 356 граждан); провел аналитические замеры и обобщения научных публикаций по вопросам правовой природы, регламентации и реализации уголовно-правовых запретов. Репрезентативная эмпирическая база эффектно дополнена результатами изучения нормативной основы уголовно-правового регулирования и теоретических источников. В работе представлен тщательный анализ действующего законодательства, причем не только с точки зрения его догмы, но также в сравнительном, социологическом аспекте и под углом зрения соответствия международным стандартам. Теоретическую же базу диссертации можно признать образцом преемственности научного знания, умелого сочетания правовых традиций и

инноваций; автор изучил и критически оценил, при безусловном соблюдении приоритетов уголовно-правового анализа, научный материал, опубликованный в трудах известных российских теоретиков и философов права, криминологов, представителей других отраслей гуманитарного знания (всего более 800 сочинений).

Диссертационная работа, судя по хронологии представленного в автореферате списка научных публикаций автора, является итогом его многолетней научной практики, отражает результаты продолжающихся исследований самых различных аспектов и нюансов проблемы в рамках избранного направления научного поиска. Это обстоятельство обеспечило глубокое проникновение в тему и комплексность представленного анализа, гарантировало от случайных выводов, поверхностных и непроверенных суждений. Содержание диссертации не дает оснований усомниться в том, что автор принимал личное участие на всех этапах сбора, обработки первичной научной информации и апробации результатов исследования.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития юридической науки и практики определяется тем, что, образуя в своей совокупности логически цельное и открытое для последующего развития учение о социально-информационной природе уголовно-правового запрета, они существенным образом дополняют ряд сложившихся разделов уголовно-правовой науки, в частности:

- учение об уголовной политике - за счет дополнительной информации об истоках, социальном предназначении уголовно-правового запрета, его целях, возможностях и пределах;

- учение о социальном механизме действия уголовного закона - за счет новых данных о нормативной информации как средстве социального управления, механизме ее объективизации и применения в управленческих целях, условия эффективности использования нормативной информации в процессе социального управления;

- учение об источниках уголовного права - за счет уточненных требований к правилам отражения нормативной информации в официальных документах, новой информации о роли и возможностях суда в декодировании нормативной информации;

- учение о применении уголовного закона - за счет подключения возможностей концепта «взаимная информация» к пониманию квалификации преступлений как разновидности правоприменительной деятельности.

В целом можно констатировать, что диссертационное исследование Н.Т. Идрисова вносит ощутимый вклад в дело методологического обновления российской уголовно-правовой науки, предлагая результаты интерпретации в принципе известной темы уголовно-правового запрета в новом и нестандартном ракурсе использования гносеологических возможностей социально-информационной парадигмы познания и оценки правовых явлений.

Положительно оценивая результаты выполненного Н.Т. Идрисовым исследования, и в целом разделяя его концепцию, не могу не отметить, что, как и любая самостоятельная творческая работа, **диссертация не лишена отдельных положений, вызывающих критическую оценку либо недостаточно аргументированных и побуждающих к дискуссии с автором.**

1) Для начала отмечу не всегда оправданное вольное использование соискателем устоявшейся юридической терминологии при изложении основных, базовых элементов собственной теоретической концепции. Так, ключевое для раскрытия темы понятие «легализация» используется автором лишь в одном из возможных, самом общем (словарном) и не общепринятом в юриспруденции значении, причем без необходимых в данном случае уточнений и оговорок. Если легализация - придание законной силы, то словосочетание «придание законной силы уголовно-правовому запрету» теряет смысл, поскольку «правовой» и есть «законный» или «легальный»; не может быть нелегального уголовно-правового запрета (хотя он может быть нелегитимным). Если же говорить о легализации как в целом о возведении какого-либо запрета в статус закона, то для этих целей наука давно и вполне успешно использует иные термины - криминализация и депенализация. Если говорить о признании запрета правовым - есть термин легитимация. Мне в целом понятна попытка автора одним термином объять все - и преемственность в развитии социальных запретов, и установление закона, и его освещение авторитетом государства и силой общественного мнения, но к такому пониманию пришлось прийти после неоднократного прочтения, интерпретации и анализа авторского текста. А это говорит о том, что категориальный аппарат разрабатываемой теории в этой части не вполне удачен.

Из этой же серии - иные авторские формулы. Например, «имплементация запрета в уголовно-правовой запрет» (с. 135). Имплементация как юридическое действие имеет вполне определенное

содержание, не соотносимое с тем, что вкладывает в данный термин автор. Но если согласиться с авторской трактовкой имплементации как «переноса», «трансформации» доправового запрета в запрет именно уголовно-правовой, то надо признать, что содержание этого процесса, критерии отбора запретов для их возведения в сферу уголовного права и иные значимые обстоятельства остались нераскрытыми, что обедняет теорию. Другой пример - «интеграция уголовно-правового запрета в запрещающую уголовно-правовую норму» (с. 229). Опять же, с учетом того, что термин интеграция имеет устоявшееся в юриспруденции значение, понять содержание авторской формулы можно с большим трудом (Интеграция предполагает наличие интегрируемых объектов на момент начала процесса интеграции. Если имеется и запрещающая норма, и запрет, то что с чем интегрируется и для чего...).

Свободное, не жесткое использование терминологии приводит порой не просто к полисемии, но и некоторым несуразностям. Так, на с. 176 социальная информация, содержащаяся в норме права, именуется «ресурсом нормы права», а на с. 197 «содержанием нормы права». Получается, и содержание, и ресурс, и информация - это одно и то же. Но как тогда понимать выражение «механизм выгрузки правовых ресурсов в реальное поведение индивидов» (с. 190). Как «выгрузку информации в поведение»? Мне кажется, это несколько абсурдное, если небесмысленное выражение. Это, видимо, понимает и сам соискатель, когда вместо «выгрузки информации» начинает использовать термин «перевод информации», но под «переводом» (тоже не самым содержательным термином) в дальнейшем понимает реальное действие угрозы применения мер принуждения, зафиксированной в правовой норме (с. 197). Что получается? Выгрузка правовых ресурсов есть угроза наказанием? Иными словами, все очень неясно и запутанно. Причем запутанно не по существу. В смысле авторской концепции как раз разобраться можно. Но в терминологических изысках - нет.

Полагаю, что при кажущейся легковесности, замечание по адресу терминологии достаточно серьезное и достойное того, чтобы быть сформулированным в официальном отзыве. Поскольку неточности, просчеты, противоречия, несогласованности и недопустимые вольности в использовании юридической терминологии препятствуют и правильному пониманию сути разработанной автором концепции, и в целом ее позиционированию в российской уголовно-правовой науке.

2) Далее. Вызывает сомнения и недопонимание авторская трактовка запрета как веления (с. 81 и др.). Соискатель пишет (буквально!), что «правовой запрет предполагает выбор субъектом определенного образа поведения», что «веление может исходить от внешних факторов, но содержит элемент свободы выбора». С другой стороны, рассуждает автор, в случае несоблюдения запрета, неверной или искаженной идентификации запрета субъектом (по разным социальным или субъективным причинам) для последнего наступают неблагоприятные публичные последствия. Вроде все правильно. И в тоже время не вполне. Во-первых, сам по себе запрет или веление не содержит никакого элемента свободы выбора. Свобода выбора - это не характеристика запрета. Это признающая (хотя, скорее, презюмируемая, чем строго доказанная) характеристика вменяемого субъекта, которому запрет адресован. Во-вторых, человек, которому адресован запрет, сохраняет свободу выбора на всем протяжении действия правовой нормы. Потому суждения автора о том, что в момент применения официального принуждения «реализуется публичный уровень правового запрета, который уже исключает право выбора индивида» не точны, как минимум, в двух моментах: и публичный уровень запрета сохраняется вне зависимости от того, применяется ли он реально или остается на уровне информационного посыла; и свободы выбора остается у адресата запрета, вне зависимости от того, на какой стадии воздействия этот запрет находится. Следовательно, общий вывод автора о том, что «правовой запрет – это императивно-диспозитивное веление» является ошибочным. То, что субъект обладает свободой выбора - верно, то что свобода выбора есть характеристика запрета, которая придаст этому запрету диспозитивные свойства - нет. Правовой запрет в уголовном праве - всегда публичный всегда императивный.

Отвечая на это замечание, соискатель может сказать, что им не вполне корректно использованы термины, а слова «диспозитивность», «императивность» следует понимать в ином ключе. В таком случае, если речь идет только о терминологических неточностях, отсылаем к первому из формулированных замечаний и вновь отметим недопустимую вольность в обращении с устоявшейся терминологией. Но если дело не в терминах, то в данном случае мы имеем дело с сущностной ошибкой, наделением уголовно-правового запрета несвойственным ему (и опасным для общества!) признаком диспозитивности, по сути, необязательности исполнения.

3) Следующее замечание касается авторского понимания вопроса о соотношении уголовно-правового запрета и запрещающей нормы права (с. 128 и др.). Автор пишет, что «уголовно-правовой характер любое веление получает только посредством преобразования веления в законодательно закрепленную норму права». Но, с другой стороны, тут же указывает, что «норма уголовного права выступает средством трансляции уголовно-правового запрета его адресатам в информационной матрице общества». Возникают резонные вопросы: Так норма уголовного права преобразует нечто в уголовно-правовой запрет или она просто транслирует в информационную матрицу общества то, что уже является уголовно-правовым запретом по своей природе и содержанию? Если норма - это форма запрета (с. 173), то возможно ли существование уголовно-правового запрета в иной, отличной от нормы форме? И если, как утверждает автор, «вне запрещающей уголовно-правовой нормы запрет невозможен» (с. 213), то как все же соотносятся запрет и норма. Сложности и значимости вопросу придает то обстоятельство, что до появления запрещающей уголовно-правовой нормы некоторые запреты существовали в социальном пространстве (и норма придавала им только новое качество), а некоторые запреты не существовали до появления нормы и были предусмотрены впервые именно в правовой форме. Механизм «преобразования» одного социального запрета в уголовно-правовой и механизм конструирования уголовно-правового запрета «с чистого листа» - не вполне совпадают и автору, вероятно, следовало бы уточняя свою позицию о соотношении запрета и нормы, глубже погрузиться в эту область.

4) С изложенным связано еще одно замечание, касающееся авторских рассуждений об общественной опасности и основаниях криминализации деяний. Соискатель пишет (с. 133), что «до легализации уголовно-правового запрета определение общественной опасности деяния невозможно». Иными словами, признает, что общественная опасность какого-либо деяния может быть зафиксирована только после того, как запрет на это деяние будет выражен в легитимной уголовно-правовой норме. Общественная опасность, по мысли автора, возникает после криминализации деяния. Но так ли это на самом деле? Вся наша доктрина исходит из того не опровергнутого тезиса, что опасность как объективное свойство деяния существует и до установления уголовно-правового запрета на его совершение, что опасность выступает одним из оснований (предпосылок, факторов, критериев, - здесь слова не важны) криминализации. У автора иной взгляд. Он пишет (с. 133), что

«общественная опасность деяния не является основанием легализации уголовно-правового запрета», что «основаниями легализации уголовно-правового запрета является признанная объективная социальная необходимость запрещения такого поведения». Но хотелось бы спросить, а эта «необходимость» чем вызвано-то? Почему возникает социальная потребность в охране какого-либо объекта и в установлении запрета на совершении тех или иных конкретных действий против этого объекта? Не потому ли, что эти действия причиняют вред и создают опасность? Разумеется, опасность деяния - не единственный фактор криминализации и пенализации, не единственная причина конструирования запрета на совершение этого деяния. Но утверждение о том, что опасность деяния вовсе не является основанием запрета едва ли верно. Возможно (не исключая), ответ кроется в авторском понимании специфики процесса «легализации запрета», содержательно выходящего за пределы криминализации и пенализации. Но тогда соответствующие рассуждения должны быть предельно явственными, представлены читателю более детально. А этого нет.

5) Представляется недостаточно раскрытой поднятая автором важнейшая тема социально-информационного действия уголовно-правового запрета и системы уголовно-правовых норм. Так, рассуждая об отличиях между правовым регулированием и социальным управлением, автор пишет, что в отличие от управления, «регулирование есть процесс, который не предполагает качественного изменения объекта регуляции» (с. 89). Из этого тезиса закономерно следует вывод о том, что право не способно изменить общественные отношения, общество в целом. Но ведь это не совсем так. А точнее даже совсем не так. Проактивная роль права в управлении общественными процессами не просто известна, но и сегодня особенно востребована. Поэтому «конституирующую», «преобразующую» общество роль уголовно-правовых запретов, особенно на переломных этапах истории, отрицать никак нельзя (хотя к ней можно по-разному относиться). Вместе с тем, эти управленческие характеристики уголовного права остались в диссертации невыявленными (с. 118). Соискатель, возможно чувствуя ограничения, вытекающие из темы и общей направленности исследования, акцентирует внимание только на одном аспекте социально-информационного действия запрета (с. 193) - формировании «правилосообразной сферы сознания субъекта» через передачу и восприятие нормативной информации (наверное, проще было бы использовать здесь привычную и традиционную

терминологию - «формирование правосознания»). Но, как мне представляется, во-первых, информационное действие правовой нормы не ограничивается только формированием «сферы сознания». А во-вторых, даже если ограничиваться только этим процессом, следовало бы уделить ему больше внимания: сама норма оказывает информационное воздействие или иные формы выражения запрета также? информация о запрете в каких формах более доступна адресатам? воздействие в какой форме сильнее? где и какие сбои в передаче-восприятии нормативной информации возможны? как их преодолевать или купировать? и т.д. На эти и ряд иных вопросов в диссертации ответа нет, хотя проблемы информационного воздействия уголовно-правового запрета составляют часть ее предмета. При этом отсутствие внимания к общим вопросам информационного действия запрета закономерно сопрягается с недостаточностью анализа некоторых частных вопросов. Так, обсуждая вопросы восприятия информации, отраженной в наказании (с. 369), автор обходит стороной важные вопросы, связанные с механизмом такого восприятия: с какого источника адресаты считывают информацию о наказании? с закона или с практики его применения? как каждая из них и как различие между ними влияют на восприятие наказания и обеспеченного им запрета? и т.д.

6) Вызывают критическую оценку некоторые суждения соискателя в части, касающейся теории толкования уголовно-правовой нормы. Для меня остался непонятым смысл предложенной им дифференциации двух феноменов: толкования закона, которое, по мысли автора, ограничено только лингвистическим анализом текста, и интерпретации закона, включающей системный, телеологический и функциональный анализ текста (с. 306 - 307). При этом, как пишет соискатель, интерпретация является необходимым элементом правоприменения. Однако, думается, что это не совсем так. Во-первых, с формальной точки зрения различия между интерпретацией и толкованием не убедительны, поскольку интерпретация и есть толкование, только, следуя опять же авторской мысли, иными способами и методами. Во-вторых, совершенно нельзя согласиться с тем, что выявление функций и целей принятия нормы является непрямым компонентом любого акта применения права. В теории толкования можно считать доказанным, что методы толкования ранжируются по степени сложности и значимости, что необходимость обращения к «более сложным» методам возникает при неуспехе толкования закона «более простым» методом. Поэтому едва ли

необходимо требовать от правоприменителя телеологического толкования нормы, если ее содержание доступно и не вызывает сложностей по итогам толкования лингвистического.

С теорией толкования связано и еще одно замечание. На с. 260, 261 автор пишет, что «признание структурной единицы УК РФ неконституционной означает, что судебное толкование уголовного закона в значении выявления смысла уголовно-правовых предписаний и норм, выраженного законодателем, не состоялось. Наоборот, воля законодателя скорректирована путем правовой позиции Конституционного Суда РФ». Такой подход, как представляется, не вполне отражает роль Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разделения властей и значение конституционной интерпретации текста уголовного закона. Конституционный Суд России не может изменить содержание информации, отраженной в уголовно-правовой норме (как пишет автор, «содержание ресурса правовой нормы или побудительного оператора»). Он как раз таки ее толкует, выявляет конституционный смысл нормы закона и указывает на возможность или невозможность применения нормы в этом выявленном смысле. Вопрос же изменения содержания нормы, информации, которая в ней закреплена, - это исключительно вопрос ведения федерального законодателя.

Высказанные замечания по большей части носят характер вопросов, предложений для дальнейшего обсуждения темы и не влияют на высокую оценку диссертационного исследования, выполненного Н.Т. Идрисовым. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация Идрисова Наиля Талгатовича написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку; работа не содержит некорректных заимствований, автор всегда ссылается на источник используемой информации (п. 10, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

2. Научные труды Идрисова Наиля Талгатовича в полной мере отражают основные положения его диссертации, публикации включают в себя двадцать шесть статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки для опубликования основных положений докторской

диссертации (п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

3. Диссертация Идрисова Наиля Талгатовича представляет собой научно-квалификационную работу, в которой реализованы гносеологические возможности социально-информационной парадигмы исследования проблем конструирования и применения уголовно-правового запрета, то есть решена научная проблема, имеющая важное политико-правовое значение; диссертация соответствует критериям, установленным ч. 1 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

3. Автор диссертации – Идрисов Наиль Талгатович – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук (специальность защищенной диссертации: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), профессор

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

«08» сентября 2025 года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9

тел.: 8 (499) 244-88-88 доб. 835, e-mail: lab.kugp@msal.ru

Подпись заверяю
Начальник отдела по учетно-аналитическим работам
Управления кадров
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

«08» (подпись)

